трактовка им законодательства Ликурга. В реформированной Ликургом Спарте, по Мабли, суверенная власть принадлежит народу: «Народному же телу отдал законодатель сей власть самодержавную, то есть право давать законы, учреждать мир или войну и поставлять судей...» (I, 235).

«Самодержавство, коим народ пользовался» (I, 236), сочетается с подчиненной ролью царей и сената. Первым оставлена «неограниченная как полководцам над войском власть», причем, будучи судьями, они «купно с сенатом» являются «токмо орудием или исполнителями законов» (I, 235). «Отдельные республики объединяются в федерацию, которую автор называет «слитком государств вольных и цветущих» (I, 295).[43]

Однако, изложенная смелая теория народной власти получала в книге Мабли характерное освещение. Она проникнута духом исторического пессимизма. Если для Радищева характерна вера в способность человека «противиться заблуждению» (I, 227), стремиться «всегда к прекрасному, величественному, высокому» (I, 215), с чем связана была вера в возможность достижения общественного порядка, обеспечивающего человеку счастье, то для Мабли господствующие в человеке в ущерб разуму страсти делают счастье фатально недосягаемым. Он говорит о «мрачном благополучии» (так Радищев переводит «bonheur obscur»), для которого-то, вероятно, люди и сотворены» (II, 312).

Неверие в способность разума восторжествовать над неразумием страстей заставляло Мабли и в «Размышлении о греческой истории», как и в других произведениях, признавая, что народные интересы являются высшей задачей государства, в то же время подозрительно относиться к прямому народоправству. Осуждая демократический строй Афин, он спрашивал, не присваивался ли «через сие всемогущий сан толпе несмысленной, неосновательной, завидущей щастию богатых», не возникало ли «под именем димократии истинное безначальство?» (II, 251). Он считал, что «Солону надлежало бы умалить число частых народа собраний» (II, 252).

Поэтому Мабли полагал, что лучшей государственной формой является правление мудрецов, проникнутых сознанием народных интересов. Так, Ликург учинил «Спартянам мудрое насилие, дабы преобразить их нравы и законы» (II, 317), «принудил лакедемонян быть мудрыми и счастливыми» (II, 246). Мабли даже допускает не только насилие, но и обман, если они

[43] Ср.: «Сто вольных и неподвластных городов составили наконец одну токмо союзную республику, коя мы во Швейцарии довольно сходственный видим образ» (там же, стр. 232).